

С возрастом поэты бронзовеют по-разному. Кто-то становится бронзовым шаром, который не то что пробить, даже поранить не могут острые стрелы. Кто-то забирается на белый пьедестал, чтобы корни уже не цепляли грязную почву, не мешали стремиться в горные выси и зеленеть не свежестью всходов, а благородной патиной. Кто-то становится бюстом в пришкольном дворе и долго блестит, обласканный солнцем, от лысины до нижнего слоя медалей, поскольку ниже уже и нет ничего. Мой друг, поэт Александр Чистяков как-то пошутил, что на памятник плохому поэту нужно десять тонн макулатуры, а хорошему хватит и одной цитаты.

Так устроена жизнь. Талант раним и тонкокож, но если его сразу не надкусили, как абрикос, не втоптали в грунт, то потерявший временем и критиками он обрастает мозолями. Шершавые и прочные, как пятки чабана, души выживших поэтов шаркают по осколкам низвергнутых монументов, забывая свой абразивный слой. И вот уже эти босые души обрастают собственной бронзовой пылью.

Обычно доспех получается гулким. В крайнем случае, звонким.

Слушая свой отраженный звон среди пустых библиотечных стеллажей, каждый поэт думает, что он колокол. Хотя все понимают, что это всего лишь корабельная рында отбивает склянки, или тренькнул бубенчик на двери кабака, или трепещет жестяной колокольчик на фартуке выпускницы.

Тут все зависит от соразмерности объема и колокольного языка, а также от толщины стенок и заключенной в них пустоты.

Так бывает. Разлюбила.

Холодны глаза, как лёд.

Поэт Александр Кердан – человек совершенно иного сплава. Он больше похож на серебряный камертон – драгоценный инструмент божественного настройщика. От сборника к сборнику, от первой буквы на тигуле до штрихкода на форзаце, он неизменно задает чистый неоскверненный тон настоящей поэзии. Лаконичной красоты, которая не подвластна ни возрасту лирического героя, ни модным увлечениям читателя. Чистая нота всегда проста, потому пронзительна и абсолютна.

И настоящим было жить легко,

И не считать счастливые мгновенья,

Пока прозрачной музыкой стихов

Не сделалось сердечное биенье...

Новый сборник стихов Александра Кердана «Оберег» не претендует объемом на книгу года. Но если учесть, что в нем собраны стихотворения всего одного года, написанные зрелым поэтом накануне 60-летия, его можно было бы назвать поэтическим ежедневником. Здесь каждый катрен можно рвать на цитаты. Хотя, конечно, сто двадцать стихотворных страниц хватает только на треть календаря, но в этой небольшой по объему книге вдумчивый читатель найдет созвучные душе слова практически на каждый день, на каждую интонацию душевного настроения.

Ты просишь снова не писать о грустном.
И я готов о грустном не писать,
Сюжет веселый выдумав искусно,
Историю смешную рассказать...

Чтобы узнать эту недолгую историю, лучше прочесть книжку целиком. Зато финал уже стал цитатой, которую многие не раз будут применять и к месту, и невпопад:

Комедиями долго сыт не будешь,
А драма драмой быть не устает.

В таких с виду простых, но абсолютно точных словах, обертонах и нотах доносит до читателя простые, но вечные истины мастер слова Александр Кердан. Изысканно точно, как укол рапиры, попадает он в самое сердце человека страждущего, живущего полной жизнью, способного любить. При этом читателю совсем не обязательно быть ровесником автора. Лирический герой поэзии Кердана, как и его адресат, говорит о теме вечной, как сама любовь или нежданная разлука:

Так бывает. Разлюбила.
Холодны глаза, как лед.
Боль, что враз не погубила,
И в дальнейшем не убьет...

Собственно, любовь и является лейтмотивом всего сборника. Любовь к Родине даже в самых трагических и жестоких моментах ее истории. Любовь к безвременно ушедшим друзьям и братьям по творческому цеху. Запечатленная в душевно авторизованном переводе с болгарского, белорусского и коми – совершенно ассимилированная лирическим героем любовь к маме, к сестре и к совершенно чужой киргизской девчонке, приехавшей в Тарусу... И конечно, любовь к женщине – всепоглощающая, трагическая, но всепобеждающая.

Любовь – вот так в начале строки и с прописной.

Я счастлив тем, что в этой жизни краткой
Моя любовь меня переживет.

Под этими строками может подписаться не только поэт, претендовавший на памятник, а любой человек вне возраста и века, сумевший заполнить пустоту любовью.